

Как появился Жучок

Уколы в больнице бывают двух видов – до операции и после операции. Вопрос: какие хуже? Ещё вопрос: хуже тебе или маме?

Маме хуже от уколов до операции. Операция – дело непонятное. Всё зависит от врача, Бога или случая, во что больше веришь. Маме хочется верить во всё сразу, но не получается, и ей страшно даже от укола перед операцией.

Тебе от этого укола не страшно. Наоборот – сонно. И «всёравно». А вот послеоперационные уколы... Хуже нет. Они бывают каждый день, в одно и то же время. Даже если бомба прилетит и упадёт на больницу. Даже если подсыпать всем снотворного в больничный плов из мягкого риса и костей. Всё равно, вылезут из-под обломков, проснутся и сделают больно. Так, что во

всём организме больно. Даже волосам. А потом ещё то, чем укололи, будет жечься под кожей.

Самое гадкое – что все врут. Говорят: «Это не больно». И ещё: «Как комарик укусит». У них на даче, наверное, саблезубые комарики водятся.

И вот с утра думаешь: «Скоро укол». А после укола думаешь: «Завтра опять». И нет никакого способа избежать укола. Лежишь, как дурак, со спущенными штанами, а тебя уже трут чем-то холодным, гадким, чтобы потом – чик!

– Ай!

Я увидела жука. Быстро проморгала слёзы. Но он всё равно полз по бледно-зелёной стенке.

– Щиплет? – спросила медсестра.

– Не знаю, – ответила я, уселась на кровати и принялась искать жука.

Но его не было.

– Это пух от одеяла был, – сказала мама, – ляг и укройся. Щипало сильно?

– Не помню. Это не пух, а жучок!

– В больнице? Я тебя умоляю. Тут стерильность. Даже мыло обычное тут не мыло, а среда для размножения бактерий.

– Он полз по стенке.

– Не придумывай!

– Полз вверх, к окну!

– Я с тобой больше не могу. Мне надо покурить. Лежи, не шевелись. Пусть лекарство рассасывается.

Мама ушла. Я взяла её мобильник, проверила, нет ли эсэмэски от папы. Эсэмэски не было. Я посмотрела в окно. Интересно, в воздухе уже пахнет весной или ещё слишком холодно?

– Скучно? – спросил жучок.

Он приполз на подушку и сидел, спокойно пошевеливая усиками.

– Ты настоящий?

– А ты?

– Не знаю. Ты умеешь разговаривать?

– Я всё умею. И разговаривать, и видеть, и слышать.

Хочешь, расскажу, что я видел на улице?

– Только не ври. Ненавижу враньё.

– Ладно. Весной на улице ещё не пахнет, но жучки, как можешь догадаться, уже выползли. И кошки начинают сходить с ума и вопить от любви. Все, кроме одноухого чёрного котёнка. Он вопит не от любви, а от голода. Он живёт в нашем дворе, под заброшенными «Жигулями». У него на хвосте три белых пятнышка, как азбука Морзе. Каждый день он плачет от голода. Но еда в больнице – это среда для размножения опасных бактерий. Поэтому наша повариха вынесла ему не мягкий рис с костями, остатки которого она отправила на кухню для ликвидации, а крышечки от йогурта. Он ими захрустел.

– Не ври!

– Ты когда-нибудь плакала от голода?

– Нет, только от уколов.

– Не знаю, как насчёт тебя, но котёнок – точно настоящий.

Я думаю пару секунд, потом беру мобильник и пишу папе эсмэс: «Привези килограмм варёной колбасы».

– Проголодалась? – обрадовалась мама, принеся мне вечером передачу от папы.

– Нет. Ты перед сном пойдёшь курить? Тогда возьми эту колбасу, почисть, порежь и отдай одноухому чёрному котёнку, который живёт во дворе и плачет от голода. Только не перепутай его ни с кем: у него на хвосте три белых пятнышка, как азбука Морзе.

Ночью мама забирается ко мне в кровать – лишних коек нет, а спать на стуле не очень удобно. От неё пахнет сигаретами, но главное – мамой.

– Откуда ты узнала про азбуку Морзе? – спрашивает мама.

Она выдыхает слова, как дым от сигарет.

– Знаешь, – говорю я, – ты, наверное, права. Это был Выдуманный Жучок. Но от этого он ещё больше настоящий. А ещё знаешь что? Я никогда больше не буду плакать от укусов.

